

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката Ш.

12.03.2026

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов Саськова К.Ю., Пановой В.С., членов Совета Зеленского А.В., Ибряновой Г.А., Кониной Н.Н., Краузе С.В., Морозова М.А., Пашинского М.Л., Передрука А.Д., Пономаревой Н.В., Семеняко М.Е., в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 12.03.2026 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката **Ш.** (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 21.09.2025 президентом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Ш. послужила жалоба С.С.Б., поступившая в АП СПб 24.09.2025; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 29.09.2025.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 20.11.2025 в действиях (бездействии) адвоката Ш. отсутствуют нарушения норм профессиональной этики и законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Во-первых, Квалифкомиссией рассмотрены доводы заявителя С.С.Б. о недостаточности времени, затраченного адвокатом Ш. на ознакомление с материалами уголовного дела, однако, по мнению Квалифкомиссии, они не свидетельствуют о допущенном адвокатом дисциплинарном проступке.

11.11.2024 адвокат Ш. принял заявку на участие в качестве защитника С.С.Б. по уголовному делу в Московском районном суде Санкт-Петербурга.

12.11.2024 адвокат Ш. прибыл в суд, представил ордер от 12.11.2024 и ознакомился с материалами уголовного дела, а также получил копии аудиозаписей протоколов судебных заседаний на цифровой носитель.

Квалифкомиссия пришла к выводу о том, что с даты обращения адвоката Ш. за ознакомлением с материалами уголовного дела в Московский районный суд Санкт-Петербурга, фотографирования им материалов дела и получения аудиозаписей судебных заседаний (12.11.2024) и до даты судебных прений (10.12.2024) прошёл почти

месяц, в течение которого адвокат имел возможность знакомиться с фотоматериалами уголовного дела и аудиозаписями судебных заседаний. Иными словами, адвокат располагал достаточным количеством времени для ознакомления с материалами дела. Сведений о том, что адвокат Ш. ненадлежащим образом исполнял профессиональные обязанности перед доверителем С.С.Б., материалы дисциплинарного производства не содержат.

Во-вторых, Квалифкомиссией рассмотрены доводы заявителя С.С.Б. о том, что он заявлял в суде ходатайство об отложении дела до выздоровления его адвоката по соглашению С.О.Ю., но суд отказал в удовлетворении данного ходатайства и назначил адвоката по назначению Ш., который не отказался от участия в деле.

Опираясь на материалы дисциплинарного производства, Квалифкомиссия установила, что адвокат С.О.Ю. не явилась в судебное заседание 25.09.2024, поскольку у неё имелся листок нетрудоспособности в связи с переломом ноги, о чём она сообщила суду.

Судебное заседание было отложено на 10.10.2024, заявителю С.С.Б. судом было предложено пригласить другого адвоката по соглашению, но несмотря на срок более 5 суток, С.С.Б. другого защитника по соглашению не приглашал. Несмотря на возражение С.С.Б. на участие Д.А.А. в качестве его защитника и ходатайства адвоката Д.А.А. об освобождении её от участия в судебном заседании, постановлением суда адвокат Д.А.А. была оставлена защитником С.С.Б. в судебном заседании.

Несмотря на решение суда о назначении С.С.Б. защитника Д.А.А. в порядке ст.ст. 50-51 УПК РФ, ни сам С.С.Б., ни его супруга или иные родственники или знакомые не предприняли мер по заключению соглашения с иным адвокатом, а адвокат по соглашению С.О.Ю., несмотря на возможность передвигаться с тростью, что подтверждалось ответами из медицинского учреждения на запросы суда, в суд до вынесения приговора так и не явилась.

В связи с болезнью адвоката Д.А.А. в последующем заявителю в качестве защитника судом был назначен адвокат Ш.

Квалифкомиссия исходила из того, что с момента неявки в судебное заседание с 25.09.2024 адвоката по соглашению С.О.Ю. прошло более 5 суток, а С.С.Б. иного защитника по соглашению не пригласил, поэтому суд обоснованно принял меры по назначению защитника, сначала назначив С.С.Б. адвоката Д.А.А., а в связи с её болезнью в судебном заседании 13.11.2024 назначил адвоката Ш.

При этом суд, отказывая в ходатайстве С.С.Б. об освобождении адвоката Ш. от участия в деле, указал на злоупотребление правом на защиту со стороны самого С.С.Б., так как суд неоднократно предлагал ему пригласить другого адвоката по соглашению и у С.С.Б. было достаточно времени для этого, но С.С.Б. не согласился приглашать иного адвоката по соглашению, а адвокат С.О.Ю. в судебные заседания не являлась. Адвокат Ш. поддерживал в судебном заседании указанное ходатайство С.С.Б., но при решении суда о наличии злоупотребления правом на защиту со стороны С.С.Б. адвокат Ш. имел право не отказываться от дальнейшей защиты С.С.Б. Квалифкомиссия пришла к выводу об отсутствии ситуации «двойной защиты» при участии адвоката Ш. в защите С.С.Б.

В-третьих, Квалифкомиссией рассмотрены доводы заявителя С.С.Б. о том, что адвокат Ш. только один раз 09.12.2024 посетил его в следственном изоляторе для

согласования позиции по делу перед прениями, при этом встреча длилась, по мнению заявителя, около 30 минут и носила формальный характер, так как адвокат не знал материалов дела, не мог вникнуть в «нюансы» дела, не отвечал на вопросы С.С.Б.

Оценивая данные дисциплинарные претензии, Квалифкомиссия исходила из того, что они носят субъективный оценочный характер, ничем не подтверждены, в частности, в жалобе не конкретизировано, какие «нюансы» дела, которые по мнению заявителя, надо было учесть, на какие именно вопросы заявителя адвокат Ш., не мог ответить заявителю, в чем конкретно со стороны адвоката Ш. состояло нарушение принципа «состязательности» сторон, в чём конкретно было выражено заведомо «проигрышное» положение подсудимого С.С.Б. и в чём выражалась «не квалифицированность» помощи адвоката Ш.

В-четвертых, Квалифкомиссия, рассмотрев доводы заявителя С.С.Б. о получении адвокатом Ш. копии приговора 17.01.2025, то есть ранее, чем данную копию получила адвокат С.О.Ю. и супруга заявителя (11.02.2025 и 12.02.2025 соответственно), исходила из того, что заявитель С.С.Б. не указал, какие конкретно его процессуальные права или нормы действующего законодательства могли быть нарушены адвокатом при данных обстоятельствах и как дата получения адвокатом приговора повлияла на дальнейшее обжалование приговора и ход апелляционного рассмотрения дела.

Квалифкомиссия полагает, что доводы жалобы о том, что, по мнению заявителя, дата, указанная на расписке адвоката Ш. в получении копии приговора, «является сомнительной и наводит на мысль, что данный адвокат является «карманным адвокатом», явно носят предположительный характер, ничем не подтверждены и не опровергают презумпцию добросовестности адвоката Ш.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства извещены о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 12.03.2026 надлежащим образом, на заседание не явились, представителей не направили, об отложении слушания дела не ходатайствовали.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб полностью соглашается с выводами Квалифкомиссии**, поскольку они основаны на правильно, полно, всесторонне и достоверно установленных обстоятельствах дела, которым дана верная юридическая оценка.

Анализ дисциплинарных претензий, приведённых в жалобе С.С.Б., не позволяет сделать обоснованный вывод о наличии в действиях (бездействии) адвоката Ш. нарушений норм КПЭА и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре).

1. Относительно дисциплинарных претензий о недостаточности времени, затраченного адвокатом на ознакомление с материалами уголовного дела.

Согласно п. 1 ст. 8 КПЭА при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещёнными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

Добросовестное и результативное исполнение адвокатом профессиональных обязанностей «невозможно без тщательной подготовки к ведению дела, в том числе без изучения материалов дела и ведения записей»¹.

Действия адвоката по ознакомлению с материалами уголовного дела представляют собой трудоёмкую интеллектуальную деятельность, состоящую из детального изучения, анализа, сопоставления и оценки имеющихся в материалах дела документов и сведений и требующую от него восприятия, понимания и осмысления информации, собранной по делу, применительно к задачам, стоящим перед стороной защиты. Кроме того, процесс ознакомления защитника с материалами уголовного дела включает в себя формирование позиции защиты и её согласование с доверителем, а также процессуальное оформление такой позиции путём подготовки соответствующих заявлений, ходатайств и жалоб. Изложенное свидетельствует, что такая процессуальная деятельность защитника требует значительных временных затрат².

В этой связи Совет АП СПб отмечает, что фотографирование или копирование адвокатом материалов уголовного дела не может приравниваться к ознакомлению с материалами дела, поскольку является лишь формой и способом реализации права адвоката снимать копии с документов, в том числе с помощью технических средств, и может рассматриваться в качестве подготовительного этапа к ознакомлению.

Квалифкомиссия установила, что 12.11.2024 адвокат Ш. прибыл в Московский районный суд Санкт-Петербурга, представил ордер от 12.11.2024.

В тот же день адвокат Ш. ознакомился с материалами уголовного дела, а также получил копии аудиозаписей протоколов судебных заседаний.

В соответствии с объяснениями адвоката Ш. часть материалов дела была сфотографирована им и в последующем он изучил их вне помещения суда.

Кроме того, как пояснил адвокат, на предоставленную им флеш-карту были записаны аудиозаписи судебных заседаний, с которыми он также ознакомился позднее вне помещения суда.

В подтверждение указанных доводов адвокатом Ш. в материалы дисциплинарного производства предоставлено адвокатское досье с распечатанными фотокопиями различных материалов уголовного дела и флеш-карта с фотографиями материалов уголовного дела и аудиозаписями (аудиопротоколами) судебных заседаний.

В свою очередь, заявителем С.С.Б. в материалы дисциплинарного производства не представлено каких-либо доказательств в опровержение позиции адвоката.

При указанных обстоятельствах Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией критически оценивает доводы жалобы в части того, что адвокат Ш. не мог ознакомиться со всеми материалами дела в объёме 17 томов, поскольку адвокат имел возможность ознакомиться с фотоматериалами дела и с аудиозаписями судебных заседаний в срок

¹ «Методические рекомендации по ведению адвокатского производства», утверждённые Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 21.06.2010 (протокол № 5) с доп. от 28.09.2016 (протокол № 7).

² Разъяснение № 2/2024 об обязанности адвоката-защитника знакомиться с материалами уголовного дела, утверждённое решением Совета АП СПб (протокол № 1 от 18.01.2024)

более одного дня не только в помещении суда, но и в ином помещении, что не запрещено нормами законодательства.

Учитывая отсутствие в материалах дисциплинарного производства сведений о ненадлежащем оказании юридической помощи, Совет АП СПб приходит к выводу о том, что указанные обстоятельства подлежат доказыванию заявителем С.С.Б., чего им сделано не было.

2. Относительно дисциплинарных претензий «о двойной защите».

Одной из форм реализации конституционного права на защиту является право каждого подозреваемого (обвиняемого) пользоваться помощью избранного им защитника, то есть возможность приглашения подозреваемым (обвиняемым) адвоката в качестве защитника по соглашению для осуществления защиты в уголовном судопроизводстве.

Право на выбор адвоката относится к числу фундаментальных положений уголовного судопроизводства, включённых в систему норм, составляющих институт обеспечения права на защиту.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

Назначение защитника лицом, в производстве которого находится уголовное дело, является факультативной мерой обеспечения права на защиту и применяется в случае, когда у подозреваемого (обвиняемого) отсутствует приглашённый защитник (защитник по соглашению) или в случае неявки последнего в установленный уголовно-процессуальным законом срок.

В этом контексте назначение защитника в порядке, установленном ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подозреваемому (обвиняемому), имеющему защитника по соглашению, потенциально может ограничить его право на помощь избранного защитника и создать условия, в которых назначенный адвокат, в нарушение ст. 9 КПЭА, будет действовать вопреки воле доверителя, отказывающегося от помощи назначенного защитника.

Вместе с тем осуществление уголовного судопроизводства должным образом и в разумный срок также имеет конституционно-значимую ценность.

Как и любое ограничение конституционных прав участника уголовного судопроизводства, ограничение права на помощь избранного подозреваемым (обвиняемым) защитника должно основываться на законе.

В Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее – ФПА РФ) «О двойной защите» от 27.09.2013 (в редакции, утверждённой решением Совета ФПА РФ от 28.11.2019) отмечается, что манипулирование правом на защиту, чем бы оно ни мотивировалось, недопустимо.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 18 постановления от 30.07.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» указал, что суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих

правомочий в ущерб интересам других участников, поскольку в силу ст. 17 (ч. 3) Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц.

Конституционный Суд Российской Федерации в п. 5 Постановления от 17.07.2019 № 28-П признал, что подобная практика согласуется с интересами правосудия и направлена на реализацию предписаний ст. 17 (ч. 3) и ст. 48 Конституции Российской Федерации в ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый, его защитник по соглашению злоупотребляет правом на защиту и такое злоупотребление дезорганизует ход досудебного или судебного процесса, направлено на срыв производства по делу. Вместе с тем решение об отклонении отказа от защитника по назначению при участии в уголовном деле защитника по соглашению по мотивам злоупотребления правом на защиту должно быть обоснованным и мотивированным и само по себе не должно исключать возможности приглашенного защитника выполнить взятое на себя поручение.

Исходя из положений ст. 50, ч. 1 ст. 11 и ст. 16 УПК РФ, возможность для обвиняемого пригласить защитника должна быть обеспечена судом.

В связи с этим адвокату по назначению, вступающему в уголовное дело, прежде всего необходимо выяснить, была ли судом обеспечена возможность подсудимому пригласить адвоката по соглашению, в частности, были ли ему разъяснены соответствующие права.

Квалифкомиссией установлено, что защитник заявителя С.С.Б. адвокат С.О.Ю. не явилась в судебное заседание 25.09.2024 в связи с утратой трудоспособности.

Следующее судебное заседание было отложено на 10.10.2024, а С.С.Б. судом было предложено пригласить другого адвоката по соглашению, однако С.С.Б. другого защитника по соглашению не пригласил.

Поскольку с момента неявки в судебное заседание (25.09.2024) адвоката по соглашению С.О.Ю. прошло более 5 суток, а С.С.Б. иного защитника по соглашению не пригласил, то в соответствии с положениями ч. 3 ст. 50 УПК РФ суд обоснованно принял меры по назначению защитника, сначала назначив С.С.Б. адвоката Д.А.А., а в связи с её болезнью – адвоката Ш. в судебном заседании 13.11.2024.

Указанные обстоятельства подтверждаются представленными в материалы дисциплинарного производства доказательствами, в частности, протоколом судебного заседания.

Таким образом, для назначения адвоката Ш. было достаточно оснований, поскольку участвующий в деле защитник по соглашению в течение 5 суток не мог принять участие в судебном заседании (ч. 3 ст. 50, ч. 2 ст. 248 УПК РФ).

С учётом вышеизложенного, Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией полагает, что доказательств, подтверждающих выдвинутые дисциплинарные обвинения, не представлено, в связи с чем Совет АП СПб приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката Ш. не опровергнута.

3. Относительно дисциплинарных претензий о единственном посещении адвокатом доверителя в следственном изоляторе, формальности данной встречи и невлечении адвокатом материалами дела.

Оценивая довод жалобы о том, что адвокат Ш. лишь один раз, а именно 09.12.2024, посетил С.С.Б. в следственном изоляторе для согласования позиции по делу перед прениями, при этом встреча, по мнению заявителя, длилась около 30 минут и носила формальный характер, поскольку адвокат не знал материалов дела, не мог вникнуть в «нюансы» дела и не отвечал на вопросы С.С.Б., и что такое поведение защитника не позволило подзащитному подготовиться к прениям надлежащим образом, в результате чего в ходе прений был нарушен принцип состязательности сторон, что существенно сказалось на качестве защиты, так как подсудимый был поставлен в заведомо «проигрышное» положение, не получив квалифицированной юридической помощи от адвоката Ш., Квалифкомиссия верно исходила из того, что указанные доводы носят субъективный оценочный характер и ничем не подтверждены.

С учётом требований подп. 6 п. 2 ст. 20 КПЭА неконкретность выдвинутых дисциплинарных обвинений и непредставление подтверждающих их доказательств исключают саму возможность для дисциплинарных органов адвокатского самоуправления рассмотреть такое обращение по существу.

Также необходимо отметить, что в судебном заседании 10.12.2024, протокол которого представлен в материалы дисциплинарного производства заявителем С.С.Б., не зафиксировано возражений последнего относительно посещения адвокатом Ш. доверителя в следственном изоляторе.

Заявитель С.С.Б. не высказывал в суде замечаний по поводу продолжительности визита адвоката, содержания беседы адвоката с подзащитным либо несогласованности позиции. Замечаний на содержание указанного протокола С.С.Б. не приносилось.

При рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, необходимо исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые ссылается как на основания своих требований.

Исходя из приведённых в жалобе фактических обстоятельств и руководствуясь презумпцией добросовестности адвоката, Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией не усматривает в действиях (бездействии) адвоката Ш. нарушений права на защиту С.С.Б., а, следовательно, и нарушений адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА.

4. Относительно дисциплинарных претензий о получении адвокатом копии приговора ранее, чем её получили другие участники уголовного судопроизводства.

Совет АП СПб разделяет мнение Квалифкомиссии о том, что заявитель не указал, какие конкретно его процессуальные права или нормы действующего законодательства могли быть нарушены адвокатом при данных обстоятельствах и как дата получения адвокатом приговора повлияла на дальнейшее обжалование приговора и ход апелляционного рассмотрения дела.

Как было отмечено выше, неконкретность выдвинутых дисциплинарных обвинений исключает саму возможность для дисциплинарных органов адвокатского самоуправления рассмотреть такое обращение по существу.

Совет АП СПб также принимает во внимание, что адвокат Ш. обжаловал приговор суда в установленном законом порядке, включая срок подачи апелляционной жалобы.

Наконец, Совет АП СПб также соглашается с Квалифкомиссией в том, что доводы заявителя С.С.Б. о том, что дата получения копии приговора, указанная в расписке адвоката Ш., «является сомнительной и наводит на мысль, что данный адвокат является «карманным адвокатом»», носят голословный и бездоказательный характер, ничем не подтверждены и не опровергают презумпцию добросовестности адвоката Ш.

Таким образом, Совет АП СПб полностью разделяет выводы Квалифкомиссии об отсутствии сведений о нарушении адвокатом Ш. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также КПЭА, признаёт эти выводы убедительными и достаточно аргументированными, основанными на полном и всестороннем анализе доводов сторон, имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств и действующего законодательства, регулирующего спорные правоотношения.

Совет АП СПб считает заключение Квалифкомиссии соответствующим требованиям КПЭА и достаточным для принятия Советом законного решения по дисциплинарному производству.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству ... решение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса либо вследствие надлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой, на основании заключения комиссии или вопреки ему, если фактические обстоятельства комиссией установлены правильно, но ею сделана ошибка в правовой оценке деяния адвоката или толковании закона и настоящего Кодекса.»*

С учётом указанных обстоятельств Совет АП СПб полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Ш. по основаниям, предусмотренным подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

прекратить дисциплинарное производство № в отношении адвоката Ш. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об

адвокатской деятельности и адвокатуры и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Президент

Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.